

WARHAMMER
40,000

FABIUS BILE

REPAIRER OF RUIN

JOSH REYNOLDS

Луперкалиос горел. Монумент – грозная крепость, великий мавзолей и главный оплот Шестнадцатого легиона – дрожал в предсмертных судорогах, пронзенный копьями света, выпущенными с небес. Флот потерянных и проклятых явился на Луперкалиос, чтобы стереть ее хозяев с лица галактики. Не меньше сотни кораблей, носящих зловещие имена, кружились над демоническим миром, словно мухи над умирающим зверем. Здесь присутствовали боевые корабли со всех легионов, и пришли они за тем, чтобы взыскать с Сынов Гора старый долг.

Горя, Монумент не переставал давать залпы из оборонительных орудий. Корабли гибли и, охваченные огнем, падали на поверхность. Но несмотря на потери, орбитальная бомбардировка не прекращалась и даже не слабела.

Противники уже начали высадку десантных отрядов, и небольшие корабли лавировали в звездном, задымленном небе, отделявшем их от цели, словно рыбешки в воде. Некоторых задевало копьями света и уничтожало, но многим удавалось добраться до земли. Слишком многим. Монумент падет, и Сыны Гора падут вместе с ним.

– Не отставай, Харук! У нас мало времени.

Главный аптекарий Третьего легион Фабий выступил из дыма; болт-пистолет его ревел, а конечности хирурга клацали и жужжали. Целеискатель на прозрачном экране шлема бегал напротив глаза, с механической точностью выбирая жертв. Он стрелял, не думая и не колеблясь, несмотря на то, что когда-то сражался бок о бок с нынешними противниками. Да, когда-то они были союзниками. Но теперь стали просто преградами на пути к цели, и обходился он с ними соответственно.

Харук не ответил. Он редко это делал. Пожиратель Миров был без шлема, и на покрытом шрамами и кровью лице застыло пустое, равнодушное выражение, несмотря на то, с каким старанием он атаковал любого, кто слишком близко подходил к Фабию на их пути через коридоры Монумента.

Подняв к лицу залитую кровью руку, он смахнул пару алых капель,

случайно попавших на рябую щеку. У него были разные глаза: следствие недостатка в материалах, припомнил Фабий. Впрочем, коль скоро они оба работали, у Харука не было оснований жаловаться. Не то чтобы он стал жаловаться, даже если бы имел такую возможность.

В менее суровые года Харук Контидий был известным аптекарием и психохирургом Двенадцатого легиона. Он участвовал в проекте по оживлению гвоздей мясника в своих братьев-Пожирателей. А теперь стал одним из последователей Прародителя. По мнению Фабия, это было шагом вверх. Мнением Харука по данному поводу он не интересовался.

– Живей! Вперед, бездельники!

Фабий пнул одного из едва ковылявших, калечных созданий, бывших не людьми и не мутантами и бежавших рядом, словно река из истерзанной плоти и модифицированных мышц. Они поскакали по коридору в сторону врага.

Ударенное существо возмущенно заныло, и Фабий проломил ему череп легким взмахом хирургеоновской руки. Он равнодушно переступил через бьющееся в конвульсиях тело. Они были лишь скотом, не более. Рабами, инструментами, безумными зверями, только в его лабораториях получавшими способность быть полезными. Они рождались в его цистернах, чтобы умереть по его приказу. Они служили болт-снарядами из плоти и кости, которыми он стрелял по врагам.

– Хватит бездельничать, дети мои! Вас, обжор, ждет много плоти и костей. Я создал вас, чтоб вы жрали, и вы будете жрать! Пока ваши животы не лопнут, да, Харук?

Ответ Харука потерялся за воем сирен и глухими ударами недалеких взрывов. Фабий прищурился, пытаясь сквозь дым разглядеть свою цель – огромные алмазиевые двери, за которыми, в гигантском склепе, расположились воины, готовые дорого отдать свои жизни за того, кто был им важнее всех. Даже теперь, после всего, что случилось, после всей борьбы и всех неудач, приведших их к этому моменту, после Улланора и Терры к этому миру, Сыны Гора по-прежнему чтит своего отца. Они по-прежнему боготворили его, несмотря ни на что. Фабий насмешливо

улыбнулся.

– Глупцы, Харук. Они всегда были глупцами. Видеть божественность в тени бога! Знаешь, мне ведь почти удалось воспроизвести генетические структуры, по которым был создан их драгоценный отец. Да, и мой тоже, и твой! Единственной проблемой был недостаток генетического материала, но сегодня она решится.

Мгновением спустя его мутированное стадо добралось до входа в склеп. Не медля и не колеблясь, они врзались в двери. Многих в толчее раздавило насмерть, но остальные продолжили напирать. Петли заскрипели и одна за другой отлетели.

Двери склепа продавило внутрь, словно от удара тараном. В следующее мгновение стадо уже неслоь внутрь завывающей, визжащей волной. Прогрели болтеры, и монстры начали падать. Фраг-гранаты застучали по светлому мраморному полу и взорвались, разорвав на части множество не защищенных какой-либо броней захватчиков.

Но эти существа, грубая, покрытая кровоподтеками плоть которых свидетельствовала о жизни в неволе и насилии, продолжали наступать, исходя слюной, как бешеные собаки. Когда они набросились на передние ряды обороняющихся, цепные мечи и топоры с ревом вгрызлись в мертвенную плоть, обагрив светлые колонны кровью.

Волна замедлилась, а потом и вовсе растворилась. Последний из монстров, покрытый ранами от болтерных выстрелов, пошатнулся и упал. Дым наполнял склеп, выжившие защитники которого уже начали перезаряжаться.

В зал вошел Фабий, ступая по ковру из ошметков плоти. Он начал стрелять сквозь дым, двигаясь с изяществом, которым он был обязан не только улучшенной мускулатуре, но и химическим препаратам. Коктейль из боевых интенсификаторов, гасителей эмоций и адреналиновых нагнетателей, созданный им самим специально для этой миссии и поставляемый таинственным хирургом, хлынул в кровь, наделяя его способностями, выходящими даже за те исключительные пределы, которые имел этот генетически улучшенный организм. Созданное одним всегда

могло быть усовершенствовано другим.

Ему почти удалось это раньше, во времена Ереси, но обстоятельства сложились против него.

Пустой пистолет тихо щелкнул. Фабий поднял руку и спрятался за колонну, перезаряжаясь на ходу. В колонну угодило несколько болтерных снарядов.

– Харук, если тебя не затруднит...

Голос Фабия звучал мягко; ни страха, ни возбуждения он не чувствовал – только нетерпеливость.

Мимо пролетел медно-красный силуэт, и воздух задрожал, когда цепной топор с рычанием впился в повывавший немало боев керамит. Пожиратель Миров перерезал последних стражников, а когда Фабий вышел из-за колонны, резко развернулся.

Цепной топор еще несколько секунд ревел – пока дрожащий хозяин не опустил его.

– Отличная работа, Харук. Для аптекаря ты неплохо справляешься с работой мясника.

Фабий убрал оружие в кобуру и прошел мимо Пожирателя Миров.

– Ну же, следуй за мной. На безделье нет времени. Шестнадцатый легион, быть может, и повержен, но силы сопротивляться у него еще есть. И убедись, что этот проклятый вокс-диктофон работает. Мои наблюдения должны быть записаны для будущих поколений.

Фабий прошел по телам Сынов Гора и собственных искалеченных рабов. Он не обращал на последних внимания, хотя некоторые еще были живы и умоляюще хныкали вслед ему и Харуку.

Мавзолей трянуло, и пыль слетела вниз, оседая на пурпурной броне аптекаря, направлявшегося к своей цели. Где-то наверху, на орбите демонического мира, его боевой корабль, «Прекрасный», вместе с остальным флотом ровнял город-крепость с землей. Он забрал себе корабль

после того, как в катастрофе на Скалатраксе погибло большинство – если не все – высших чинов Третьего легиона. Тогда на него легла обязанность командовать своими братьями в войне, на пути к победе. Во имя этой самой победы он привел их на Луперкалиос. Во имя этой победы он явился сюда, чтобы вскрыть гроб с телом Магистра войны и взять то, чего так жаждал.

Сенсоры его брони обследовали склеп и продемонстрировали ему изменчивую пленку стазис-поля, хранившее в себе тело Гора Луперкаля. Это тело было искалечено и изуродовано, но даже в смерти сохраняло величественность. Даже теперь оно не потеряло источник той силы, что наполняла его при жизни. Каких же высот можно достичь, имея этот источник... Фабий собирался это выяснить.

– Ооо... Что они с тобой сделали, отец братьев моих...

Он провел пальцами вдоль линий стазис-поля.

– Разделили величественный шедевр на примитивные элементы... Превратили утонченнейший механизм в гору мяса. Взгляни на него, Харук! Взгляни, как его испортили. Это преступление, это грех – прятать в гробнице столь полезный материал. И ради чего?

Фабий взглянул на Харука.

– Скажи... Я не плачу?

– Ннн... Нет...

– Хорошо. Это было бы пустой тратой жидкости. Неумеренность в эмоциях – такая же слабость, как их отсутствие. Харук, отметь эти слова в записях и сделай их своим принципом. Огонь должен гореть при правильной температуре. Разгоревшись слишком сильно, он израсходует весь доступный кислород и потухнет. Горя слишком слабо, он пропадет. В любом случае, огня больше не будет. Ясно? – Фабий изящно взмахнул рукой.

– Д... Да...

– И главная задача состоит в том, чтобы найти эту правильную

температуру, а затем поддерживать ее до бесконечности. Сентиментальность должна уравниваться прагматичностью, жестокость – милосердием. И ты, Харук, – живое тому подтверждение. Ведь я тебя помиловал, не правда ли? Хотя мог бы наказать за прегрешения, многочисленные и весьма разнообразные.

Фабий развернулся и ткнул пальцем в покрытую операционными шрамами кожу между неодинаковыми глазами Харука.

– После того, как атаковал меня в моей полевой лаборатории на Норсисе, а затем позже, на ледниках Тарнгека, я мог положить конец твоему жалкому существованию. Но я этого не сделал, потому что раньше мы были пусть и не друзьями, но коллегами. И потому что было бы преступлением губить твои способности.

Он ударил стазис-поле кулаком, отчего то рассыпало искры и замерцало.

– И точно так же преступление – губить его. Понятно тебе, Харук?

Харук моргнул. Он ничего не ответил, но его глаза говорили больше, чем могла бы сказать целая книга. За усиленным черепом скрывалась целая библиотека эмоций, но страницы ее никогда ни перед кем не раскроются.

– Я спас тебя, Харук. Я спас тебя от болтерного снаряда – моего болтерного снаряда! – в голове. А также от тоскливой песни тех варварских кортикальных имплантатов, которые ты демонстрировал со столь неуместной гордостью, – Фабий улыбнулся. – Я закрыл эту музыкальную шкатулку, да?

– Д... Да... З... За... Крыл...

– Именно. И как и в случае с тобой, я превращу эту развалину в нечто достойное. – Фабий вновь повернулся к стазис-полю. – Что боги разрушили, я восстановлю!

Его тонкие губы изогнулись в презрительной усмешке.

– Ха! Боги! Какой же гордыней несет от этого слова. Нет никаких богов. – Он коснулся поля. – Ведь ради этого мы и сражались, Харук. Твой

генетический отец понимал это – и мой тоже, я так думаю. Мы были освободителями, мы спасали галактику от суеверий и безумия. Но нет, Гору потребовалось вернуть все это и заключить необдуманый союз с многомерными разумами, что питаются наивностью и страхом. И посмотри же на нас теперь, Харук, посмотри, во что мы превратились, – в варваров, зверей, глупцов. Но кто-то же должен вернуть нас на правильный путь?

– Д... Да...

– Претендентов немало. Однако именно на мне, как на последнем здравомыслящем человеке в этой безумной вселенной, лежит данная обязанность. Высоко неся огонь разума, я выведу своих товарищей из мрака и темноты. – он улыбнулся: – Должно быть, во мне говорит идеалист.

Он задумался, а потом бросил взгляд на Харука.

– Эм... Вычеркни это из записей. Думаю, не стоит сохранять свидетельства подобной наивности.

Он опять посмотрел на останки Магистра войны, и улыбка его увяла. Старые обиды и разногласия всплыли в его душе, когда он встретил невидящий взгляд Гора Луперкаля. Он закрыл глаза. Сколько раз он оказывался близок к цели... Он посмотрел на Харука. Когда-то бывший аптекарь был всего лишь одной из преград, помещенной на его пути врагами, смертными и бессмертными. Теперь же Пожиратель Миров стал одним из его последователей наряду с другими воинами, которых Фабий отобрал из легионов, погрязших в междоусобицах и даже теперь продолжавших сражаться над головой. Он отыскивал в грязи бриллианты и огранял их, давая им предназначение более высокое, чем они могли иметь в презренной борьбе за позиции военачальников и тиранов. Свое предназначение. А скоро за ним последуют и другие. Они увидят, что он прав. Что только он предлагает путь вперед. И они присоединятся к нему. Они продолжат Великий крестовый поход, оставив в прошлом все неудачи и ошибки. Галактику поглотит огонь, а из ее пепла поднимется новое человечество, достигшее апофеоза с его помощью.

– Да... Я выведу их из тьмы! – Он не сводил взгляда с трупа в стагис-поле.
– Хотят они этого или нет.

Фабий хлопнул в ладоши. Вдали слышался грохот орбитальной бомбардировки и рев болтеров: его последователи зачищали Монумент от всего живого. Эти звуки казались ему музыкой, боем барабанов на параде.

Фабий Байл улыбнулся.

– Мне предстоит много работы!